
13
13
КАРАНТИН-13

Станислав Оушен

Карантин-13

«Автор»
2026

Оушен С.

Карантин-13 / С. Оушен — «Автор», 2026

Семь дней, чтобы выжить. Один шанс узнать правду.После страшной эпидемии человечество укрылось под защитными Куполами. За их стенами остались мёртвые города, заражённые и существа, в которых почти невозможно узнать людей.Шестнадцатилетний Стас Карпов готовится пройти Инициацию — семь дней в опасной зоне, после которых выжившим обещают возвращение домой.Но всё идёт не по правилам.Предательство девушки, которой он доверился, превращает Стаса в человека, официально признанного мёртвым. Теперь его никто не ищет. Никто не ждёт. И никто не должен узнать, что он выжил.Пытаясь выбраться, Стас обнаруживает невероятное: за стенами Купола живут целые поселения. А Инициация скрывает тайну, способную разрушить привычный мир.Что, если настоящая опасность находится не снаружи, а внутри Купола?Карантин-13 — напряжённая история о выживании, предательстве, первой любви и людях, которых система решила вычеркнуть из жизни.

© Оушен С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пропуск на троих 5
Часть первая. Семь дней 9
1. Грядка № 6 9
2. Пригоден 13
3. Красная черта 17
4. Ночная смена 21
5. Один фильтр 25
6. Три места 31
7. Чужой приказ 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Станислав Оушен
Карантин-13

Пролог. Пропуск на троих

За восемь лет до Инициации

До Купола оставалось двести метров. Павел успел пересадить Стаса из кабины в автобус и застегнуть на нём куртку. Потом снял свою, отдал Вере и сказал, что вернётся через пять минут.

Она взяла куртку. Из нагрудного кармана торчала записка, которую она положила ему утром. «Купи соль». Вера утром ещё думала, что вечером будет варить суп.

К концу месяца на карте не осталось материка без карантинных зон. Утром диктор успел назвать закрытые порты в Марселе, Маниле и Буэнос-Айресе. На середине списка голос пропал. На той же частоте теперь говорили люди с трамвайного кольца. Они меняли канистру горючего на место в машине.

— Куда ты?

Павел показал на здание аптеки за трамвайными путями. Вход был забит досками. На козырьке горела лампа от аккумулятора.

— Там люди ждут. Я сказал, что заедем.

За его спиной водитель приоткрыл окно.

— Я больше по городу не поеду. На воротах дали десять минут.

Павел кивнул. Вера уже знала этот кивок. Так он отвечал, когда всё выслушал и собирался поступить по-своему. За двенадцать лет он успел надоесть ей этой привычкой. Обычно они потом ссорились на кухне. О том, как вызвать его на кухню сегодня, Вера даже не успела подумать.

— Сколько их? — спросила она.

— Утром было одиннадцать.

Она протянула ему куртку обратно. Павел застегнул на ней верхнюю пуговицу. Пальцы у него впервые за весь день дрожали.

— Ты за этого тоже подпишешь, если спросят, — сказал он, кивнув на автобус.

За стеклом Стас сидел боком и прижимал к себе сумку с их едой. У трамвайного кольца люди в дорожных жилетах остановили скорую и заставили водителя высыпать на асфальт всё, что было в аптечке. Когда один из трупов у остановки сел и начал шарить руками по плитке, все бросились к автобусу. Там Стас потерял ботинок. Павел обвязал ему ступню полотенцем. Теперь Стас пробовал просунуть пальцы между складками ткани.

Вера хотела сказать мужу, что пять минут уже пошли. Он коснулся её щеки губами и перешёл рельсы. Возле аптеки снял с плеча сумку, чтобы пролезть под нижней доской.

Водитель убрал руку с дверного рычага.

— Садитесь, — сказал он. — Дальше нас вообще могут не взять.

На ограде у въезда висела свежая табличка «КАРАНТИН-13. ГРАНИЦА ЗОНЫ». Вера впервые увидела этот номер на эвакуационной карте. Красная линия огибала весь город и упиралась в Купол. Квартира, аптека и школа Стаса оказались по одну её сторону.

Шлюз делился на две площадки. Внешняя лежала в зоне. Внутренняя вела в Купол. Между ними стояла чёрная решётка. Вера видела её много раз из окна служебной машины. Тогда решётку поднимали, чтобы вывезти на проверку насосы. Теперь за ней двое мужчин в серой форме держали наготове носилки.

Автобус въехал на внешнюю площадку. Фельдшер прошла вдоль сидений и остановилась возле Стаса. Он дышал ртом и каждый раз втягивал щёки. Она попросила его назвать имя. Он сказал половину и закашлялся.

— Давно так?

— С трамвайного кольца, — сказала Вера. — Там гарь.

Фельдшер надела ему маску. Стас схватился за резинку. Она дала ему самому придерживать её у лица и показала на внутреннюю площадку.

— Понесём туда. У нас там кислород.

Вера полезла под сиденье за сумкой. Когда выпрямилась, перед ней стоял дежурный с папкой. В папке был бланк, который Павел заполнил утром. Три строки под номером автобуса. В первой стояла его фамилия. В графе «специальность» он написал «ремонт». У Веры и Стаса в этой графе оставалось пусто.

— Где основной пассажир? — спросил дежурный.

— Через рельсы. В аптеке.

Дежурный посмотрел туда. Лампу на козырьке едва видели сквозь дым. Под ней кто-то передвинул доску.

— Какую работу вы можете выполнять?

Он спросил это у Веры, так и не подняв головы от бланка.

— Я наладчик полива. Насосы могу. В теплице работала.

Дежурный перевернул лист. На обороте красным напечатали несколько профессий. У «наладчика» стояли две галочки и короткая черта. Он поставил третью галочку и перенёс Веру на первую строку.

— Сын идёт с вами. Его сейчас заберут. Подтвердите, что за автобусом никто не идёт.

Вера разглядела людей у аптеки. Первой вышла женщина в домашних тапочках. За ней шагнул мальчик с полотенцем на лице. Павел нёс на руках кого-то маленького. Он остановился у рельсов, пропустил остальных и повернулся назад. Из-под досок показались ещё двое.

— Идут, — сказала Вера. — Вот они.

Дежурный закрыл папку. Из рации на его плече донёсся голос. Он просил назвать число машин, которые ещё оставались снаружи. Дежурный ответил, что машин нет. Про людей его не спросили.

— Мы можем подождать, — сказала Вера.

Во внешние ворота ударилось что-то тяжёлое. Железо прогнулось и выпрямилось. В щели между створкой и оградой показались пальцы. Вера пригляделась и увидела, что это мужчина в куртке дорожной службы. У него из кармана выпали белые перчатки. За ним теснились люди. Кто-то кричал, что на путях ребёнок.

На крыше аптеки заскребло по жести. По кирпичной стене полез вниз человек в коротком пальто. Он спускался головой вперёд. Локти выворачивались при каждом движении. Когда на воротах вспыхнула сигнальная лампа, он резко повернул голову.

— Мутант! — крикнули с улицы. У створки упал человек. Стоявшие сзади продолжали напирать. Вера увидела, как он тянет ладонь между чужих ног.

Дежурный открыл папку снова.

— Пока в списке есть ожидающие, внутреннюю решётку не поднимут. Внешние ворота сейчас закроются. Кто дошёл, тот здесь.

— Так впишите их.

— Приём с улицы закончился, — сказал он. — Или я провожу ваш автобус, или жду, пока приедет смена. Другого допуска у меня нет.

Фельдшер обернулась. Стас начал заваливаться набок. Она подхватила его за затылок, приложила ладонь к лицу и велела открыть рот. Она проверила манометр на баллоне и крикнула мужчинам за решёткой, чтобы подтащили носилки ближе.

Вера схватила бланк. Внизу стояла обычная строка о том, что остались люди, которых нужно ждать. В левом квадрате уже была галочка. Павел поставил её утром.

Она поискала глазами мужа. Он добрался до ворот с той стороны. Ребёнок у него на руках шевельнулся. Павел наклонился к щели и стал протискивать туда свёрток. Кто-то помог ему снаружи. Вера увидела детскую руку и рукав его рубашки.

Дежурный протянул ей ручку.

— Здесь. Нижнее поле.

Вера вычеркнула галочку. Справа написала «Ожидающих нет». Раньше она заполняла такие бланки каждый день. Сколько труб пришло. Сколько кассет ушло в ремонт. Она знала, как поставить подпись в тесном поле, чтобы та не задела соседнюю печать. На этот раз промахнулась. Последняя буква вылезла на серую линию.

Дежурный махнул в сторону внутренней решётки. Та поднялась по колено. Один из мужчин лёг на бетон и просунул носилки под ней. Фельдшер с водителем вынесли Стаса из автобуса. Из его полотенца торчала голая пятка.

Вера пошла за ними. Дойдя до решётки, она оглянулась. Там, где Павел протиснул ребёнка, на бетоне остался свёрток. Он двигался. Дежурный заметил это тоже. Он уже собирался закрыть папку, но положил её на ступеньку автобуса и бросился за ребёнком.

Между створками ещё виднелся белый рукав. Павел прижимался к воротам снаружи. За его спиной кто-то забарабанил по крыше автобуса, брошенного у рельсов. Вера больше не видела человека в коротком пальто.

Створки сошлись. Сигнальная лампа продолжала мигать.

⁂

К утру Стас смог говорить. Просил воды и спрашивал, куда делся второй ботинок. Когда Вера сказала, что купит новые, он посмотрел на неё с таким недоверием, будто она никогда в жизни не видела его ботинок.

— Папа знает, где был, — сказал он. — Он же меня нёс.

Вера вылила тёплую воду из кружки и набрала холодную. Села возле койки. Стас выпил почти всю кружку. Остаток предложил ей.

В больничном коридоре женщина в сером халате вешала списки. Вера подождала, пока сын заснёт, и пошла искать фамилию. Сначала были принятые за ночь, потом те, кто уже получил койки. Среди принятых значился ребёнок без документов. Возраст прикинули на глаз. В последней графе было написано «Дышит самостоятельно».

Павла Вера нашла на другом листе. Напротив его фамилии стояло «От эвакуации отказался».

Она сняла лист и отнесла к столу.

— Он не отказывался. Он привёл людей.

Сотрудница достала папку. Перевела палец с зачёркнутой галочки на подпись.

— Тогда он числился бы среди ожидающих.

Вера посмотрела на свою фамилию. Серая линия проходила через последнюю букву. Она могла показать, где стоял Павел. Могла назвать аптеку и подсказать, по какой улице идти, чтобы не пришлось пересекать открытый проспект. Она уже открыла рот. Из коридора донеслось, как Стас зовёт её. Вера положила список обратно на стол.

Через шесть недель ей выдали справку о смерти Павла. В графе «место» стоял прочерк. Она отнесла справку домой и положила в карман его куртки, рядом с запиской про соль. Старую записку она потом выбросила. Справку оставила в кармане.

Через несколько дней Вера вынула справку и отнесла её в контору. Там разрешали подать заявление на вещи погибшего. У Павла за воротами остались ботинки, сумка и инструменты. Вера дня два собиралась написать про инструменты, но, когда ей дали бланк, попросила ручку покрепче.

Под строкой для перечня вещей она написала адрес аптеки. Ниже добавила дни, когда Павел дежурил на трамвайном кольце, и имена двух человек, которых видела рядом с ним у ворот. Женщина за столом щёлкнула колпачком ручки.

— Вещи вам вернут, если найдут. Куда сообщить?

Вера назвала номер своей комнаты. Потом, пока женщина заполняла расписку, приписала на бланке ещё одну строку.

«Если найдёте его, скажите, что у Стаса новые ботинки».

Часть первая. Семь дней

1. Грядка № 6

Когда объявили карантин на шестой грядке, Стас лежал под ней и держал за руку человека, которого, по спискам, в теплице не было.

— Только не отпускай, — сказал Мишка.

— Тогда перестань дёргаться.

Пыль висела между нижними трубами. Сквозь решётчатый настил над головой проникал свет ламп — жёлтые полоски на бетоне. Вверху шуршали листья. От нагретой воды в трубах потели стёкла защитных очков, и Стас видел не дальше локтя.

Они выращивали здесь помидоры. Настоящие, с запахом мокрой земли, хотя земли в Куполе почти не осталось. В ящиках лежал серый субстрат. Питательный раствор приходил по трубам строго по норме. Если насос останавливался, через час сигнал о нарушении уходил диспетчеру. Если человек попадал под настил, этого не замечала ни одна система.

Мишку прислали из соседней смены на два часа. Ему поручили найти пропавшую шайбу, потому что у бригады не было допуска на разбор настила. Шайба нашлась сразу. Потом лопнула старая скоба и зацепила его рубашку так, что он не мог ни подняться, ни выползти.

— Глубже влезь. Там на спине подцепило.

Стас потянулся. Металл впился под ноготь. Скоба шла от трубы под острым углом; тянуть за неё было бесполезно.

— Всем работникам покинуть шестой отсек, — объявил потолок. — Проводится внеплановая обработка.

Мишка сжал пальцы Стаса.

За решёткой уже гасли рабочие лампы. По периметру вспыхнули красные. Шестую грядку закрывали из-за спор плесени: их нашли утром на двух листьях, и кто-то из лаборатории поставил автоматическую обработку на полдень. До полудня оставалось меньше минуты.

— Скажи им, что я тут.

— Уже сказал.

Он действительно сказал. По переговорной панели у входа мастер выслушал сообщение, спросил табельный номер пострадавшего и пообещал открыть заявку. Номер Мишки не проходил. В программе тот числился в другом отсеке.

— А имя? — спросил Стас.

— Имя не поле формы, — ответил мастер и отключился.

Сейчас Стас пожалел, что не ударил в панель сильнее.

Над ящиками зашипели форсунки. Пахнуло хлорной горечью. Мишка вскинул голову и ударился затылком о трубу.

— Лежи, — сказал Стас.

Он нащупал скобу обеими руками, приподнял её и почувствовал, как ткань потянулась под пальцами. Мишка попытался вывернуться. Скоба соскользнула обратно.

Отец всегда держал короткий нож во внутреннем кармане куртки. Стас помнил, как тот одним движением срезал стяжку с провода или открывал тугой мешок с крупой. После смерти Павла мать отдала сыну куртку, но нож велела сдать. Инструменты, даже старые, учитывали поштучно.

У Стаса на поясе висел секатор. Он раскрыл лезвия, завёл одно под мокрую ткань и резанул. Мишка выскользнул из рубашки, оставив её под трубами. От страха у него выступили на шее красные пятна.

— Ползи первым. Не стой.

Когда они выбрались, верхняя листва уже блестела от раствора. У двери горел красный замок. Панель не реагировала на ладонь Стаса. На боковом экране появился таймер: до конца обработки — девять минут.

Мишка уткнулся лицом в рукав.

На стене висел топорик под стеклом. Под ним значилось: «ПРИ ПОЖАРЕ». Стас разбил стекло секатором. Снял топорик и ударил по нижней вставке двери. С первого удара только выгнулась рама. Со второго треснул прозрачный пластик. За третьим он не услышал даже удара: в голове стоял шум от форсунок.

Мишка протиснулся наружу. Стас выбрался следом, зацепив воротник о край вставки. В коридоре было прохладно. Он сорвал очки и согнулся, жадно втягивая воздух через фильтр маски.

Мастер ждал у стены. На его груди светилась зелёная полоска допуска. Рядом стояли двое Стражей. Один подхватил Мишку и усадил на скамью, проверил пульс и дал воды из фляжки. Второй всё время смотрел на топорик.

— Вы нарушили целостность карантинного шлюза, — сказал мастер.

— Там был человек.

— Почему не дождался разбора вызова?

Стас оглянулся на дверь. Через разбитую вставку медленно выползал белый туман. У нижнего края пластика стекала жидкость и собиралась в маленькую лужу.

— Разбор занял бы девять минут.

— По датчикам отсек пуст.

— Значит, датчики ошиблись.

Первый Страж поднял глаза от Мишки. Они встретились со Стасом взглядами, и Стас вдруг подумал, что мужчина, наверное, понял всё ещё до того, как подошёл к скамье. Но промолчал.

Второй Страж забрал топорик и попросил вытянуть левую руку. Считыватель щёлкнул над браслетом. Зелёная полоска дрогнула и стала жёлтой.

— Дисциплинарное событие зарегистрировано.

Мишка попытался встать.

— Это я полез под...

— Сядь, — сказал мастер. — У тебя отсутствует допуск к этому участку.

У Мишки тоже проверили браслет. Его имя, похоже, нашлось. Но теперь оно было не там, где нужно.

Их провели через санитарный душ. Лаборант снял пробы с одежды, выдал новые маски и только после анализа разрешил Мишке уйти в медицинский блок. Стаса оставили ждать дисциплинарного решения.

До конца смены Стас просидел в комнате ожидания. Через матовое стекло он видел коридор, по которому рабочие несли ящики с урожаем. У всех были одинаковые серые рукава. По тележкам стучали колёса. На стене мигало объявление о сокращении пайка: из-за двух остановленных насосов томатов на этой неделе выдадут меньше.

Старшая уборщица пришла заменить пакет в корзине и заглянула ему в лицо.

— Ты того мальчишку вытащил?

— Вытащил.

— А теперь из-за вас весь отсек стоит.

Она не сказала это со злобой. Просто констатировала ещё один расход, который кому-то придётся возместить. И Стасу стало обиднее, чем от голоса мастера.

Когда его отпустили, у распределительного окна выстроилась очередь за вечерней едой. Впереди спорили о норме соли. Пожилой мужчина держал в руках пустую банку и доказывал,

что вчера ему недодали ложку крупы. Девушка за стеклом пересчитала крупу на экране, но не в банке. Он вышел из очереди с тем же количеством, с каким пришёл.

Стас приложил браслет. Терминал мигнул жёлтым и напечатал: «ПОЛУЧЕНИЕ — ПОСЛЕ ПРОВЕРКИ». Очередь сдвинулась. За спиной кто-то вздохнул.

Он постоял секунду, потом уступил место следующему.

Домой он шёл вдоль внутренней стены Купола. Здесь всегда было слышно, как работает вентиляция: гул, похожий на далёкий поезд. Снаружи, за бетонным поясом и защитным стеклом, начинался город. В солнечную погоду на верхних этажах можно было различить балконы. Сегодня там висела дымка. Город казался нарисованным на грязной плёнке.

На остановке мальчик лет семи строил из пластиковых жетонов маленькую стену. Мать велела ему не ронять их: жетоны выдавали за часы дополнительных работ. Мальчик послушно сложил стену в ладонь. Стас задержался у расписания, хотя знал, что транспорт придёт через четыре минуты. Ему не хотелось возвращаться домой с пустыми руками и жёлтым браслетом.

Вера уже получила уведомление.

Она сидела за кухонным столом и вытаскивала занозу из ладони кончиком иглы. Вода в кружке давно остыла. Из-под двери ванной тянуло запахом мокрого белья.

— Мишка дышит? — спросила она, когда Стас вошёл.

— Да.

— Тогда вымой ботинки. В коридоре дети ходят.

Он поставил ботинки у раковины. На подошвах остались белые пятна от раствора.

— Ты видела, что они написали?

— Видела.

— Там было десять минут до конца обработки. Я не мог ждать.

Мать положила иглу рядом с чашкой. На пальце у неё выступила капля крови. Она промокнула её краем полотенца.

— Я не говорю, что мог.

— В протоколе будет иначе.

Вера встала и открыла шкафчик. Вынула две тонкие лепёшки, завернутые в бумагу. Одну положила сыну. Стас посмотрел на еду. В глубине шкафа стояла синяя эмалированная кружка с семенами. Вера прятала её за лепёшками: говорила, что у следующей весны должен быть собственный запас.

— Ты получила двойную норму?

— Надбавка за ночную смену. Очистили фильтр раньше срока.

— А сама ты ела?

— Ела.

По тому, как быстро мать закрыла шкаф, он понял, что спрашивать дальше бесполезно.

Вера работала с ночной бригадой водораспределения. Когда-то до эпидемии она занималась бумажными накладными на трубы и арматуру. Теперь сама вычищала фильтры, если не хватало рук. На запястьях у неё оставались следы от жёстких перчаток. Сегодня ей снова нужно было идти к насосной к полуночи.

Стас тёр ботинки щёткой, пока не перестал видеть белое. Из коридора донеслись два коротких стука, пауза и третий.

Он застыл, держа мокрый ботинок над раковиной.

Так стучал отец. Даже когда возвращался с ночной смены и мог просто открыть дверь своим ключом, всё равно стучал, чтобы дома знали, кто пришёл.

Стас открыл дверь слишком резко.

На пороге стояла соседка с красными от холода руками. Она принесла два маленьких пакета сушёной зелени: работала возле вентиляционных грядок и сказала, что сегодня её отпу-

стили с остатками. Она ничего не знала о стуке Павла. Наверное, просто торопилась и ударила пальцами так, как было удобнее.

Когда дверь закрылась, мать долго раскладывала зелень на два блюдца. Стас не спросил, слышала ли она стук. Она тоже не спросила, почему он так быстро побежал открывать.

Перед сном на браслете появилось уведомление: «ТЕСТ ПРИГОДНОСТИ. ЯВКА 06:30. ПРИЙТИ НАТОЩАК».

Стас посмотрел на бумагу с лепёшкой. Половину он съел. Остальное завернул и убрал в карман отцовской куртки. Куртка давно была ему коротка в рукавах, зато в ней оставался внутренний карман, который мать так и не зашила.

Утром ему исполнялось шестнадцать. Он хотел попроситься в ремонтные службы. Вечером он уже не был уверен, что ему вообще позволят выбрать хоть что-нибудь.

2. Пригоден

В коридоре центра пригодности стоял автомат с водой. Он выдавал по одному стакану каждые четыре минуты. Стас пришёл раньше назначенного времени и успел дважды увидеть, как люди поворачиваются к пустому стакану за прозрачным окном. На экране над автоматом объяснялось, что вода распределяется равномерно, чтобы никто не остался без неё.

Жажда от этого объяснения не проходила.

Слева от автомата сидела девушка в серых брюках Стражей и штопала лямку сумки. Она прикусывала нитку сбоку, чтобы держать узел натянутым. На ногах у неё были высокие ботинки, слишком чистые для рабочего сектора. Игла несколько раз застревала в жёсткой ткани, но девушка не просила помощи.

Стас сел через два кресла от неё. Она не посмотрела.

За стеклянной дверью проходили родители. У каждого был гостевой пропуск с указанным временем: десять минут на ожидание, пять — на получение результата. В соседнем ряду мальчик в светлом комбинезоне повторял формулы расчёта давления, загибая пальцы. Его отец негромко поправлял ошибки. Напротив девочка лет шестнадцати держала перед собой рисунок: цветные окна, люди на мосту. На обратной стороне бумаги она записала названия городов, которых никогда не видела.

— В какой сектор? — спросил у неё Стас.

— Архивный, — ответила девочка. — Если хватит места.

Её мать посмотрела на них обоих.

— Не говори «если». Заявка одобрена предварительно.

На дверном экране загорелось имя девочки. Она спрятала рисунок в рукав и ушла.

У Стаса заявки на перевод в ремонтный сектор не одобрили даже предварительно. Он отправлял её четыре раза, каждый раз через новый терминал. Ему нравилось добираться до клапана, который никто не мог открыть, и искать маленькую причину, почему встаёт весь ряд насосов. В последнем заявлении он написал: «Я хочу чинить то, что сломалось». Мать перечитала текст и исправила две запятые, хотя знала, что решение всё равно принимает не человек.

Стасу хотелось сказать ей, что запятые ничего не решат. Он не сказал.

Девушка с иглой наконец подняла голову.

— Если сильно тянуть, порвёшь, — сказал Стас, кивнув на лямку.

— Можно не узлом, а внахлёст. Две строчки держат лучше.

— Я не спрашивала.

Он отвернулся. Она некоторое время молчала, потом ослабила нитку и сделала ещё один стежок рядом с прежним.

Дверь перед кабинетом распахнулась. Сотрудница в сером халате вызвала Стаса по номеру. Не по фамилии. Это была обычная практика, и всё равно ему каждый раз хотелось не откликаться.

В кабинете стоял один стул, один экран и турникет у дальней двери. На стене висела карта секторов Купола. Цвета на ней менялись медленно, как будто внутри стены двигалась вода. Фермеры занимали почти половину. Ремонтные службы — узкую полоску вокруг центральных узлов. Стражи — внешнее кольцо.

— Назовите желаемый сектор, — сказал голос из динамика.

— Ремонтные службы.

Слово сразу появилось на экране. Затем его зачеркнула тонкая серая линия: «ПРЕДПОЧТЕНИЕ УЧТЕНО».

На дисплее возникли десять одинаковых контуров теплиц. Восемь горели зелёным, одна серым и одна жёлтым. «Исправных насосов — девять. Посевных участков — десять». Ниже предлагалось указать участок, который останется без воды.

Стас увеличил схему. Две зелёные теплицы соединял резервный контур. На настоящем объекте клапан стоял бы у стены, а не в середине прохода.

— Можно запитать обе одним насосом, — сказал он.

«НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ЗАДАНИЯ».

— Здесь же показана перемычка.

«ВЫБЕРИТЕ ОДИН УЧАСТОК. ОСТАЛОСЬ 00:38».

Он выбрал теплицу, где урожай уже собрали. На следующем вопросе без воды оставалась жилая секция. Он открыл справку о резервных ёмкостях, нашёл привозной бак и оставил без подачи тот дом, где был запас. Система отметила второе нарушение.

На третьем экране рядом с насосом стояла фигурка человека. Не имя, не возраст — просто серый силуэт. Вся схема была построена так, чтобы Стас выбрал между сохранением водопровода и безопасностью работника.

Он увеличил фигурку, пока та не распалась на квадраты. Попробовал открыть страницу со схемой аварийного отключения. Доступ закрыли.

— Я могу сначала вывести его оттуда?

«ОСТАЛОСЬ 00:11».

— Это вопрос или приказ?

«ОСТАЛОСЬ 00:09».

Стас поставил отказ от запуска. Экран потемнел. На нём появилось слово: «РЕШЕНИЕ НЕ ПРИНЯТО».

Он сидел неподвижно, ожидая, что сейчас кто-то войдёт и скажет: на самом деле проверяли, способен ли он заметить человека на схеме. Никто не вошёл.

Следующая часть теста состояла из коротких реакций. На экране мигали красные, жёлтые и зелёные круги. Стас нажимал нужные, пока от усталости не перестал различать секунды между ними. Потом ему предложили выбрать, что важнее для Купола: скорость, точность или устойчивость. Он отметил точность. Система попросила обосновать. Он написал: «Невозможно быстро исправить решение, которое убило человека».

Через минуту ему вывели общий результат. Число оказалось выше проходного.

Стас облегчённо выдохнул.

Сотрудница вошла без стука, приложила к его браслету считыватель. Лезвие внутри корпуса разрезало старую пломбу. Она уложила новый браслет на запястье и защёлкнула его.

На экране последовательно появились строки:

«РЕМОНТНЫЕ СЛУЖБЫ. КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ — 0».«ФЕРМЕРЫ. КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ — 41».«НАЗНАЧЕНИЕ — ФЕРМЕРЫ».

Стас посмотрел на запястье. Пластик был новый, тёплый от руки сотрудницы. Полоска над номером горела ровным зелёным светом.

— Почему я остаюсь в теплицах?

— По потребности сектора.

— Я набрал нужные баллы.

— Вы пригодны к работе. Ваши предпочтения учтены.

— Но ведь это одно и то же, что было до теста.

Сотрудница не подняла глаз. Возможно, она слышала эту фразу каждый день. Может быть, даже говорила её когда-то сама.

С соседней стороны стены раздался плач. Тихий, сдерживаемый. Там проходил тест другой кандидат. Стас увидел через щель под дверью полоску голубой ткани, упавшую на пол, и

услышал, как взрослый голос произнёс: «Не устраивай сцену. Транспортный сектор — тоже назначение».

Сотрудница перелистнула его личное дело. Фотография осталась на экране, а под ней загорелось новое слово: «ИНИЦИАЦИЯ».

Стас прочёл его дважды.

— Это не моя очередь. Мне только сегодня шестнадцать.

— Годовой набор завершает комплектование сегодня.

— Зачем мне туда? У меня назначение — Фермеры.

Она закрыла папку, лежавшую рядом с монитором. На обложке он успел увидеть номер своего браслета и вчерашнюю дату.

— Решение комиссии по дисциплине.

— Из-за Мишки?

— Событие зарегистрировано как нарушение карантинного режима и порча защитного оборудования.

— Там был человек.

— Этот факт не отменяет нарушение.

Всё стало удивительно простым. Он вытащил парня из-под настила. Сломал дверь. Получил решение. Теперь должен ехать туда, откуда, по слухам, возвращались единицы. Каждый шаг был записан, каждое слово объяснено, и нигде не было строки, в которой спрашивали бы, стоило ли спасать Мишку.

— А если не пойду?

Сотрудница впервые посмотрела прямо на него.

— Вы не можете отменить явку. Вы можете лишь добавить неисполнение к личному делу.

Она подала ему серый конверт: маршрут, список вещей, медицинские допуски. Внутри лежала фотография матери, распечатанная с семейной карточки. На обороте было написано: «КОНТАКТ НА СЛУЧАЙ ОТСУТСТВИЯ СВЯЗИ». На фотографии Вера не улыбалась. Она вообще редко улыбалась на официальных снимках.

— Ей сообщат? — спросил Стас.

— Уведомление уже отправлено.

Он представил, как мать просыпается после ночной смены, берёт браслет со стола и видит одно слово вместо объяснения.

Турникет в зал ожидания не открылся. Вместо этого на полу загорелась синяя стрелка к служебной лестнице. Стас постоял возле стекла. За ним девочка с рисунком держала мать за локоть. На её браслете светилась надпись «УТИЛИЗАЦИЯ». Рисунок торчал из рукава смятой гармошкой.

Стас поднял руку, чтобы постучать по стеклу, но увидел отражение своего нового браслета и опустил её.

На лестнице стояла девушка со штопаной сумкой. Теперь лямка была закреплена крест-накрест. Девушка зажимала палец салфеткой: при последнем стежке проколола кожу.

— Держит? — спросил он, кивнув на шов.

— Держит.

Она помолчала, потом спросила:

— Назначение?

— Фермеры. Инициация. А у тебя?

— Стражи. Инициация.

— За что тебя?

Она посмотрела на него так, будто решала, следует ли отвечать.

— За подготовку.

— Это как?

— Это когда тебя готовили раньше других.

Она спустилась на ступеньку ниже. Стас заметил на её руке старый шрам: тонкую светлую черту между большим и указательным пальцами. Девушка держалась так, будто привыкла смотреть, где ближайший выход. При этом салфетку она прижимала к пальцу слишком сильно.

— Стас, — сказал он.

— Лида.

Внизу ждал закрытый фургон. У двери стоял Страж с планшетом. Он сверил номера и указал им на два свободных места в кузове.

Стас посмотрел назад. Он мог побежать. Страж за спиной даже не положил руку на кобуру. От этого стало хуже. Двери центра открывались по браслету, и маршрут на браслете уже заканчивался в фургоне.

Он поднялся сам.

В тесноте куртка съехала с плеча, и из внутреннего кармана выпала половина лепёшки. Бумага развернулась на полу. Стас наклонился, но Лида оказалась быстрее: поймала свёрток двумя пальцами, не касаясь грязного настила, и вернула ему.

На бумаге осталась крошечная красная точка от проколотого пальца.

— Поешь, — сказала она. — Там могут не дать времени.

Стас хотел спросить, откуда она это знает. Фургон дёрнулся, двери захлопнулись, и он услышал, как снаружи кто-то произнёс последнее имя по списку.

Вместо ответа он разломил лепёшку пополам и протянул Лиде меньший кусок. Она сначала покачала головой. Потом взяла. Ели молча, пока за непрозрачными окнами исчезали знакомые улицы Купола.

3. Красная черта

На фургоне их довезли до внешнего шлюза. Там заставили выйти, выстроиться вдоль жёлтой линии и поднять руки. Страж с переносным прибором провёл считывателем над каждым браслетом. У Стаса прибор задержался дольше остальных.

— Что у него? — спросил водитель.

— Событие в личном деле.

— Здесь у всех событие.

Страж ничего не ответил. Он отступил, пропуская их в старый городской автобус. На ступенях лежала сухая земля. Кто-то до них пытался стряхнуть её с ботинок и оставил на резиновом покрытии отчётливый след — половину подошвы с отломанным каблуком.

Стас сел у окна. Лида устроилась через проход, поставив сумку на колени. Третий подросток, долговязый парень с рыжими ресницами, сел впереди и тут же спросил, долго ли ехать. Водитель опустил непрозрачную перегородку.

— Лев, — сказал парень, обернувшись. — А вы?

Стас назвался. Лида кивнула, не поднимая глаз. Она проверяла застёжку сумки. Из бокового кармана торчал свёрнутый бинт.

За шлюзом автобус пересёк бетонный мост. По обе стороны тянулись заграждения, за ними лежали площади с проросшей сквозь асфальт травой. Стас привык видеть город сквозь защитное стекло Купола. Отсюда дома оказались ближе и выше. На одном балконе всё ещё висело детское одеяло. Оно не двигалось: окна дома были выбиты, а ветра почти не было.

Когда за автобусом сомкнулись ворота, Стас впервые увидел солнце без сетки. Он ожидал, что ослепнет. Солнце тускло висело в пыли. Зато стало ясно другое: внутри Купола гул вентиляции не прекращался ни днём ни ночью. Здесь не было этого гула. Тишина давила сильнее, чем он предполагал.

Лев положил ладонь на оконное стекло.

— Мама рассказывала, что раньше тут ходили автобусы каждые десять минут. Настоящие. Просто чтобы отвезти людей на работу.

— И сейчас автобус, — сказал Стас.

— Сейчас он нас обратно не повезёт.

Это Лев произнёс уже шёпотом.

У бывшего дворца спорта машина остановилась. Водитель открыл двери и не обернулся. На площадь они вышли втроём. В сквере впереди из второго автобуса выходили ещё трое: две девушки и парень. Их машина остановилась на соседней улице. Стас успел сосчитать людей, прежде чем оба автобуса скрылись за поворотом.

Один из подростков вдалеке поднял руку. Стас хотел ответить, но Лида перехватила его локоть.

— Не кричи им. Пока не знаем, кто рядом.

— Я не собирался кричать.

— Тогда не маши.

На её запястье ожил экран. Такой же свет вспыхнул у Стаса и Льва.

«ДЕНЬ 1 ИЗ 7».

Ниже появились строки:

«Выживите семь дней.Найдите передатчик „Метка“.Соблюдайте Кодекс».

Лев встряхнул рукой, будто пытался вытряхнуть из браслета недостающие указания.

— А сам Кодекс где?

Лида подняла взгляд к крышам. На фасаде дворца спорта сохранилась видеокамера в ржавом кожухе. Её объектив смотрел чуть в сторону.

— Пойдём под навес. Здесь нас видно с четырёх улиц.

Возле остановки они разобрали выданное снаряжение. У Стаса были маска с одной фильтрующей кассетой, маленькая фляга, складная ложка и тонкое одеяло в гермопакете. Лев достал из сумки моток бечёвки и показал, как завязывает узел одной рукой. Дома он чинил сети для водяного контура. Больше в его сумке, кроме фляги, почти ничего не было.

У Лиды оказались бинты, служебный нож и короткая рация. На вопрос, почему ей выдали больше, она ответила:

— У Стражей другое снаряжение.

— Значит, нам нужно держаться тебя, — сказал Лев.

— Нет. Вам нужно смотреть под ноги.

Она произнесла это без насмешки. Стас заметил, как крепко Лида сжимает ремень сумки. Кожа вокруг ногтей у неё побелела. Он отвернулся, делая вид, что проверяет фильтр.

Они двинулись по проспекту. На стекле остановки сохранилась наклейка «ВИРУС. ПУНКТ ПРИЁМА ПАЦИЕНТОВ». Стрелка указывала на пустырь, где больше не стояло ни одного здания. Рядом висели выцветшие объявления. Кто-то в последние дни обычной жизни пытался продать детский велосипед. Три полоски с телефонным номером успели оторвать. Стас провёл пальцем по четвёртой, и она надломилась.

Под ногами хрустел песок. Из подъездов тянуло влажной штукатуркой. На перекрёстке лежал опрокинутый киоск. На его крыше выросло кривое деревце; корни уходили в щель между листами металла. Город не походил на фотографию катастрофы из школьного архива. Он медленно разрушался сам и, кажется, не собирался останавливаться.

Через квартал Стас увидел на подоконнике второго этажа цветок. Не сухую ветку, а растение с двумя зелёными листьями в обрезанной бутылке. Стекло окна было целым. Под рамой недавно замазали щель серой массой.

— Смотрите, — сказал он.

Лев поднял голову.

— Может, до эвакуации осталось.

— Восемь лет?

Они стояли под окном недолго. За тюлем что-то сдвинулось, но Стас так и не понял, человек это или ткань от сквозняка. Лида потянула его дальше. Ей не нравилась открытая улица.

Первого заражённого Стас принял за дворника. Человек в стёганой жилетке ходил между будкой и мусорным баком. Каблук у него оторвался и хлопал по асфальту. На третьем круге человек повернулся. У него отсутствовали нос и часть щеки. Глаза оставались открытыми. Он смотрел куда-то сквозь них, будто давно ничего не различал.

Лев шагнул назад. Под ногой хрустнуло стекло. Дворник остановился, повернулся на звук. Стас сжал ладонь, готовый бежать, но заражённый не двинулся, пока Лев не попятился ещё на шаг. Стекло хрустнуло снова.

— Не спеши, — тихо сказала Лида. — Давай в арку. По одному.

В арке пахло сыростью и старой золой. На стене белел ростовой рисунок ребёнка. Кто-то много раз обводил карандашом уровень головы и ставил дату. Последнюю отметку сделали недавно, поверх старых цифр. Рядом лежала чистая жестяная банка.

Стас остановился, но Лида уже свернула во двор. Тут за клумбой темнела открытая дверь магазина. Над входом висела вывеска с буквами, которых не хватало, чтобы прочесть название. На косяке провели жирную красную черту; на стене рядом нарисовали круг, пересечённый крестом. Краска выглядела свежее облупившейся штукатурки.

У входа стояли два запаянных ящика бутылок. На них ещё сохранилась этикетка.

У Стаса пересохло во рту. До выхода он не пил с утра, а фильтр уже стал тёплым от дыхания. Лев сделал шаг к ступеням.

Браслеты одновременно завибрировали.

«КОДЕКС. НЕ ВХОДИТЕ В ДОМА С КРАСНОЙ МЕТКОЙ».

Стас посмотрел на черту, потом на двери.

— Это магазин, — сказал Лев. — И вода прямо у входа.

— Магазин тоже здание, — ответила Лида. — Назад.

— Вы хотите семь дней на двух фляжках?

Лев поднял свой пустеющий сосуд. У него дрожали руки, но голос был злым. Стас понимал его. Возле запечатанных бутылок отказ от воды казался ещё одним испытанием, которое придумали люди с полными баками.

— Мы найдём другую, — сказал Стас.

— Конечно. Как нашли объяснение Кодекса.

Лев бросился к ближнему ящику. До него оставалось два шага. Бутылки стукнулись о плитку, когда он потянул упаковку к себе. Где-то внутри магазина что-то тяжёлое поднялось с пола.

Лев замер. Из темноты вышла фигура в магазинном фартуке. Она двигалась неравномерно, цепляясь ботинком за порог. Лев выпустил воду и попятился. Вторая фигура рухнула сверху, с низкого козырька. В падении она задела вывеску; металл с грохотом ударился о стекло.

Стас не успел подумать. Он схватил Льва за запястье и потянул. Сумка с запасами соскользнула с локтя и упала в мутную лужу у крыльца. Стас нагнулся за ней; маска сползла, и кассета фильтра задела мокрую плитку. Он рывком поправил ремень и снова потянул Льва. Тот пытался сделать шаг, но его удерживали за куртку. Близко, слишком близко, Стас увидел, что у заражённого на фартуке висит связка магазинных ключей. Простая железная связка, какую отец всегда оставлял на гвозде у двери.

Лида ударила Стаса по пальцам рукоятью ножа.

— Стас. Посмотри на него.

Лев смотрел вверх. Лицо у него уже не менялось. Под горлом, где недавно был ворот, зияла глубокая рана. Его браслет погас. Стас отпустил руку.

Он слышал, как Лида кричит ему что-то, но слова не доходили. Он всё ещё держал пальцы согнутыми, будто запястье Льва оставалось в ладони. Потом ноги сами побежали за Лидой.

Они забились под металлическую лестницу во дворе. Решётчатые ступени закрывали обзор. Дворник вошёл в арку, и знакомое хлопанье каблука прозвучало совсем близко. Лида прижала маску к лицу Стаса, проверила, держится ли ремень, и только тогда прислонилась к стене сама.

Шаги стихли. Некоторое время слышалось лишь, как вода капает с водосточной трубы на пустую миску. Стас насчитал двенадцать ударов. На тринадцатом капли не было: вместо неё послышался скрежет.

Он осторожно выглянул. На ступеньках валялась бечёвка из сумки Льва. Самого Льва уже не было. От магазина к закрытым воротам тянулись две тёмные полосы. За стеклом шаркали ботинки.

— Может, он… — начал Стас.

— Нет, — сказала Лида.

Он хотел возразить. Сказать, что его ещё можно вынести или хотя бы забрать браслет, чтобы по нему узнали имя. Лида смотрела на его руки. Между пальцами у него была чужая кровь. Она вытащила из сумки салфетку и велела вытереть ладони, не касаясь лица.

На браслете мигала одна и та же строчка: «ДЕНЬ 1 ИЗ 7». Смерть Льва ничего не изменила в счёте времени.

Лида подняла рацию. На экране загорелось «БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ».

— Нас двое. Кто-нибудь слышит?

В динамике захрипело, потом ответил девичий голос. Очень тихо, словно говорившая боялась потревожить кого-то рядом.

— Двое у лестницы, я вас вижу. Если за вами идут, машите рукой.

Стас поднял голову. На крыше дома через дорогу стояла девушка в синей куртке. Одной рукой она держала рацию. В другой — обломок кирпича. За её спиной на верёвке, натянутой между трубами, висели два куска выстиранной ткани. Один колыхался на ветру.

Лида помахала. Девушка показала на арку.

Дворник уже вошёл во двор.

4. Ночная смена

Девушку на крыше звали Мара. Она дождалась, когда Лида подтолкнёт Стаса к стене, и швырнула кирпич к мусорным бакам. Дворник повернул голову. Кирпич отскочил от железа, прокатился по асфальту и замер. Заражённый пошёл на звук, волоча каблук.

— Сейчас, — передала Мара по рации.

Стас с Лидой перебежали улицу. Стас ударился плечом о дверной косяк и едва не выронил флягу. Мара встретила их у пожарной двери, пропустила внутрь и вдвинула в скобу металлический прут. На пруте были следы свежей сварки.

— Где третий? — спросила она.

Лида посмотрела на Стаса. Тот ещё держал в руке мятую салфетку.

— Остался у магазина, — ответила она.

Мара коротко кивнула. Не спросила, можно ли за ним вернуться. От этого Стас почувствовал себя хуже, чем если бы она стала кричать.

Они поднялись на пятый этаж. Окна лестницы были заложены фанерой; через щели пробивались полоски света. На третьем этаже Стас увидел в нише пластиковое ведро с чистой крышкой. Возле него стояли детские резиновые сапоги. Он наклонился рассмотреть их, но Мара уже звала его наверх.

В квартире с выбитой межкомнатной дверью ждали Тим и Яна. Тим был широкоплечим парнем с круглым лицом; когда он вставал, всё время цеплялся карманом за торчащий гвоздь. Яна сидела у окна. Она вытянула ногу на подоконник и зажимала голень обеими ладонями. Штанина потемнела от крови. На подоконнике лежали ножницы и тряпка, которую кто-то разорвал на полосы.

— Они с нами, — сказала Мара. — Из первого автобуса.

— У вас раненый? — спросила Лида.

— Я не раненый, я Яна, — сказала девушка сквозь зубы.

Мара помогла ей сесть удобнее. Все трое приехали на втором автобусе. Яна рассекла ногу об ограду, когда они прятались от заражённых у сквера. Тим попытался перелезть первым, зацепился за штаны и упал на землю. Яна помогала ему, и ржавый край ограды вошёл ей в голень.

Лида вымыла руки остатками воды из своей фляги, опустилась рядом и попросила Яну пошевелить пальцами. Пальцы шевелились. Когда Лида слегка надавила выше раны, Яна вскрикнула и вцепилась Маре в рукав.

— Выстрела не будет? — спросил Тим.

— Если перестанешь мешать, нет, — ответила Лида.

— Я просто спросил.

Лида велела Стасу найти что-нибудь жёсткое для фиксации. Он вышел на площадку, увидел ряд почтовых ящиков и оторвал две деревянные планки от разломанной дверцы. На одной значилась фамилия, написанная синим фломастером. Стас провёл по ней большим пальцем, стирая пыль, и вернулся в квартиру.

Лида промыла рану, наложила повязку и закрепила ногу планками. Тим держал Яну за пятку и всякий раз отворачивался, когда она вздрагивала. Стас подавал бинты. Он не умел помогать так уверенно, как Лида, зато заметил, что Яна перестала дрожать, когда Мара взялась считать вслух её вдохи.

— Нужен врач, — сказала Лида, закончив. — И чистая вода. Рана грязная.

— На площади есть медпункт, — предложил Тим.

— Ты его видел?

— Указатель.

— Это не одно и то же.

Яна посмотрела на потолок.

— Если все хотите меня бросить, давайте хотя бы после ужина.

— Никто тебя не бросает, — сказала Мара так быстро, словно она уже давала себе это обещание.

Слова повисли в воздухе. Стас вспомнил Льва и не стал их повторять.

— Откуда рация? — спросила Лида, укладывая остатки бинта в сумку.

— Моя от матери. Она дежурит у внешних ворот. На третьем канале каждый час диктуют давление в шлюзе. Я думала, хоть услышу своих.

Мара повернула колёсико. Динамик выдал ровный треск. Она подвинула рацию к окну. Стасу показалось, что на секунду сквозь шорох прорезался голос, но повторить услышанное он не сумел.

— Здесь не ловит, — сказал Тим.

— Дома ловило и в подвале, — ответила Мара. — Не должно быть так.

Лида ничего не сказала. Она покрутила свою рацию в руках и поставила на подоконник, будто сравнивала направление помех. Стас заметил это, но сейчас его занимало другое: на другом конце коридора кто-то недавно прибил к полу узкую рейку. Дверь за ней не скрипела. Такой мелкой починкой в пустой квартире никто бы не занимался.

— Мы здесь не первые, — сказал он.

Тим вскинул голову.

— Ты видел кого-то?

— Ведро на лестнице. Сапоги. И дверь здесь починили.

— Может, люди уходили последними.

Мара отнесла свою рацию на кухню, вернулась и закрыла дверь на цепочку.

— Раз нет людей, зачем закрывать? — спросил Стас.

Она не ответила. Вместо этого достала из кармана маленький жестяной ключ, вставила его в дополнительный замок и повернула до упора. Ключ подошёл сразу.

В квартире напротив они нашли овсянку и четыре целые банки фасоли. В шкафу лежала соль, но на пакете уже расплылись буквы. Вода из крана шла ржавая; Лида велела её не пить. На балконе обнаружились две большие бутыли, закрытые крышками. Стас проверил, нет ли на воде плёнки, и почувствовал себя глупо: в теплицах он отвечал за трубы, а здесь понятия не имел, откуда взялись эти запасы.

Они распределили по кружке каждому и ещё одну оставили Яне. Тим высыпал свои сухари в старую сахарницу. Стас разломил остаток лепёшки на пять частей. Хлеб смялся в кармане и пропах курткой. Мара отдала свою корку Яне.

— Тебе самой нужно есть, — сказала Яна.

— Я поела в автобусе.

Яна усмехнулась, не поднимая головы. Стас узнал эту ложь. Вера говорила точно так же, когда оставляла ему добавку.

Они ели на полу вокруг низкого столика. В ящике под столом лежали фотографии незнакомой семьи. На одной мальчик с недовольным лицом стоял перед первым школьным звонком. За его спиной была та же стена, на которой сейчас растрескались обои. Тим хотел убрать снимки, чтобы не смотреть на них во время еды. Яна попросила оставить.

— Как зовут мальчика? — спросила она.

Никто не знал.

Стас подумал, что мальчику на фотографии сейчас было бы лет четырнадцать. Может, он жил в одном из Куполов. Может, его браслет тоже объявил первый день из семи. Стас перевернул фотографию. На обороте чернилами вывели дату и одно имя: «Саша».

После ужина распределили дежурства. Тим предложил закрыть все двери мебелью. Лида возразила: если придётся уходить, завал в коридоре задержит их самих. Мара знала второй выход — через техническую лестницу и крышу соседнего подъезда. Она нарисовала его на обороте старого счета за отопление.

— Ты быстро разобралась, — сказал Стас.

— У нас было больше времени. Мы здесь с утра.

Но Стас видел, как ровно она провела линию по незнакомой стене и где отметила запасную дверь. Казалось, Мара знала, что ищет. Он хотел расспросить, но в этот момент с улицы донёсся далёкий металлический удар. Все разом замолчали.

За окнами исчезли верхушки домов. Лида успела задёрнуть шторы, прежде чем на браслетах появилось новое правило.

«КОДЕКС. НЕ ВКЛЮЧАЙТЕ ФОНАРЬ ПОСЛЕ ЗАКАТА».

— А если нас кто-нибудь найдёт? — спросил Тим.

— Тогда фонарь точно не поможет, — сказала Лида.

Снизу хлопнула дверь. Тим машинально вытащил фонарик. Яна прижала ладонь к его кисти. Никто не заговорил. На лестнице кто-то поднялся на первую ступень, потом на вторую. Через одну ступень раздавался удар, словно человек опирался локтем и подтягивал себя на площадку.

Стас сидел на полу рядом с Лидой. Нога затекла. Он попробовал пошевелить ботинком, но подошва скрипнула. Лида положила ладонь ему на колено. У неё дрожал большой палец. Днём она перевязывала Яну, не глядя на собственные руки. Теперь палец дрожал, и она не убирала руку. Стас тоже не двигался.

На третьем этаже удары прекратились. Потом послышался тихий звук, похожий на кашель. Следом кто-то провёл ногтями по дверному полотну. Тим закрыл рот ладонью. Яна медленно стянула ногу с подоконника; по её щеке текла слеза, но она не всхлипнула.

Стас мысленно считал пролёты. Он не знал, сколько их осталось до пятого. В какой-то момент поймал себя на том, что слушает не шаги, а дыхание Лиды. Оно было слишком частым для человека, который делал вид, что не боится.

Когда существо добралось до четвёртого этажа, на улице зажёгся свет. Узкая белая полоса прошла по потолку, остановилась на потолочной трещине и исчезла. На лестнице раздался низкий рокот. Сразу несколько голосов ответили снизу.

Лида приоткрыла штору на ширину ногтя. Стас посмотрел поверх её плеча.

По проезжей части медленно двигался фургон без фар. В кузове стояли двое. Один бил куском металла по ограждению. Второй включал и выключал прожектор. За машиной шли заражённые. Некоторые ещё походили на человека в стёганой жилетке у мусорного бака. Другие двигались рывками и держали головы слишком низко. За ними по стене магазина ползло существо с длинными локтями. При вспышке оно останавливалось. Когда свет гас, перебиралось на следующую стену.

— Поздняя стадия, — сказала Лида едва слышно. — Вот она какая.

Стас оторвал взгляд от мутанта. На противоположной стороне улицы между домами горел маленький огонёк. Кто-то прикрыл его ладонью, и свет исчез. Выше, у верхнего этажа, медленно поднялась белая занавеска. Потом её отпустили.

— Там люди, — прошептал он.

— Вижу, — сказала Мара.

Фургон свернул к жилым домам за трамвайной линией. Его там ждали. Человек у угла успел открыть тяжёлые ворота. За ограду завели заражённых, как стадо. Последний мутант долго не хотел проходить; прожектор мигнул несколько раз, а человек с железкой ударил по воротам. Существо сорвалось на шум и исчезло внутри. Створки закрыли.

Из-за ограды раздался детский плач. Стас не был уверен, что услышал именно его: звук мог прийти из другого двора. Но Мара резко отошла от окна. Лида поймала её за рукав.

— Почему ты так посмотрела?

— Я увидела, куда они повернули.

— И что там?

— Дома.

Тим сглотнул.

— Здесь все дома.

— Там в окнах были огни, — ответила Мара. — До того как приехала машина.

Из-за стены послышались короткие удары. Не такие, как шаги на лестнице. Кто-то стучал по металлу одинаковыми сериями, словно подавал знак. На крыше напротив поднялся силуэт человека, задержался у трубы и исчез.

— Зачем загонять туда заражённых? — спросила Яна.

Лида не ответила. Стас следил за человеком у ворот. Тот поднял голову к их окнам. В руке у него коротко блеснул металл. Возможно, это была рация. Лида сразу опустила штору.

Весь вечер они боялись шуметь, потому что считали город пустым. Теперь выяснилось, что кто-то умеет пользоваться шумом как оружием. И этот человек не боялся выходить на улицу ночью.

Когда всё стихло, Тим предложил дежурить по двое. Первый час выпал ему и Маре. Мара согласилась, но прежде чем сесть у двери, достала из кармана ключ и снова проверила замок.

Стас лёг на чужой диван, подложив под голову сумку. У него болели пальцы, которыми он держал Льва. На тумбочке стояла кружка с двумя зубными щётками. Между щётками застрял тёмный волос. Он перевернулся к стене, но сон не приходил.

Ближе к полуночи в доме напротив скрипнуло окно. Из щели на миг показалась рука. На тонкой верёвке вниз опустилась жестяная банка. Она ударилась о стену и затихла. Кто-то внизу взял банку; верёвка натянулась, и её подняли обратно.

Стас хотел позвать Лиду. Но в полутьме она наконец задремала, опираясь затылком о шкаф. Он не стал её будить.

На соседнем подоконнике что-то коротко звякнуло. Мара подняла голову, прислушалась и улыбнулась так быстро, что Стас не был уверен, видел ли это. Потом снова стала смотреть в закрытую дверь.

До утра Стас не сомкнул глаз. Теперь он знал, что за стенами Купола есть люди. И ещё не знал, опаснее ли они тех, кто ходил по улицам без жизни в глазах.

5. Один фильтр

Утром на подоконнике напротив опять появилась жестяная банка. Верёвка натянулась, банка поднялась к четвёртому этажу и скрылась за занавеской. Стас наблюдал за ней из-за щели в шторе. На дне банки лежал предмет, завёрнутый в светлую ткань. Что-то обменяли, пока они спали.

— Сколько их там? — спросил он.

Мара, стоявшая у плиты, не подошла к окну.

— Людей?

— Тех, кто не носит браслетов.

— Ты видел хотя бы одного без браслета?

— Нет. Видел того, кто тянет банку. Он не должен был остаться в пустом городе.

Мара отставила кружку. С вечера она выглядела так, будто кому-то задолжала разговор и надеялась, что его не начнут.

— Пустым его называют у нас, — сказала она. — Мы здесь второй день. Может, стоит перестать делать вид, будто знаем о нём всё.

На столе лежал листок из старого атласа. Тим принёс его с крыши вместе с мотком телефонного провода. На обороте кто-то аккуратно обвёл три входа в метро. Два находились за трамвайной линией. Третий вёл в переход под площадью. Рядом карандашом стояла буква «Г».

— Я знаю, откуда эта схема, — сказала Яна.

Она сидела, свесив здоровую ногу с дивана, и старательно делала вид, что её не беспокоит рана. Лида ночью поменяла повязку, но бинт уже потемнел у края. Кожа над голенью была горячей.

— Мы упали у выходного павильона, — продолжила Яна. — Пока Тим возился с ремнём, Мара залезла в будку. Там висел план. Она выдрала угол.

— Не выдрала, сняла, — поправила Мара. — В будке крепление сгнило.

— Под переходом значился склад гражданской обороны. Если там есть хотя бы вода, сходить стоит.

Тим сел за стол. У него под ногтями осталась ржавчина от ночного дежурства: он весь час проверял дверную цепочку, пока Мара слушала улицу.

— Мы с Яной можем пойти с вами, — сказал он и сразу посмотрел на её ногу.

Яна поднялась, держась за подоконник. Сделала шаг, остановилась и снова села. Лицо у неё побелело.

— Убедительно, — сказала она.

Решили разведать вход без неё. Тим остался дежурить. Мара поднялась на крышу — с неё было видно площадь и начало трамвайных путей. Стас с Лидой собирались пройти до перехода, проверить обход и вернуться до заката.

У двери Лида пересчитала бинты, сухари и батарейки. Стас проверил флягу. В его маске при вдохе что-то влажно шуршало. Он снял корпус фильтра, и на ладонь высыпались две тёмные крошки.

— Почему раньше не сказал? — спросила Лида.

— Вчера дышалось.

— Это не ответ.

Он показал ей кассету. Края набухли, как размоченный картон. Вчера, когда он тянул Льва у магазина, сумка выскользнула из-под локтя и упала в грязную воду. Маска сползла, и кассета фильтра задела мокрую плитку. Стас вспомнил это только сейчас: весь вечер перед глазами стояла рука Льва.

Лида попробовала продуть кассету через защитную решётку. Не получилось.

— Без фильтра на площади не пойдёшь.

— Ты пойдёшь одна?

— Мы пойдём вместе. До перехода есть места, где можно укрыться.

Она вынула картридж из своей маски и осмотрела разъём на его маске. Крепления совпадали. Стас хотел возразить, но Лида уже переложила картридж в маленький матерчатый мешочек и затянула шнурок.

— Будем меняться у дверей. На улице долго не стоим. Сырой ветер пока с юга, пыль идёт с запада.

— А ты?

— У меня есть тканевая вставка. От этой пыли почти не защита, но до ближайшей стены хватит.

Стас почувствовал раздражение: она произнесла это как инструкцию. На самом деле рисковала собственной жизнью, потому что он не догадался проверить простую вещь. В теплицах за такую небрежность его отстранили бы на неделю.

— Я могу остаться.

— Можешь. А Яна подождёт, пока мы найдём того, кто умеет чинить фильтры.

Она застегнула куртку. Стас вернул мешочек в её руку, и они вышли.

На улице пахло мокрым бетоном и горелой изоляцией. Ночью ветер нагнал с запада жёлтую пыль. Она лежала полосами вдоль бордюров, как свежая мука, только вокруг неё не было ни птиц, ни следов лап. В Куполе пыль от сухой земли поднималась над ящиками каждый день. Эта казалась тяжелее и долго не оседала на рукаве.

Первый квартал они прошли быстро. У овощного киоска Лида остановилась, сняла картридж и передала Стасу. Пока он устанавливал его, она закрывала лицо шарфом и смотрела на улицу через щель между досками.

— Три минуты, — сказала она. — Потом обратно.

— Ты считала?

— Я всегда считаю.

На второй остановке они нашли магазин, у входа в который кто-то выложил из кирпичей стрелку. Стрелка показывала не внутрь, а за дом, к закрытому двору. У стены стояли четыре пустые канистры. Все одного размера и с одинаковыми полосками белой краски. Их явно расставили недавно.

— Вчера здесь ничего не было, — сказал Стас.

— Вчера мы шли другой улицей.

— Я запомнил дом. Тут на балконе красный велосипед.

Лида взглянула вверх. Велосипед действительно висел колесом наружу, прочно прихваченный к решётке проволокой. Под ним, на третьем этаже, кто-то открывал окно.

Внутри квартиры двигалась тень. Из окна высунулась старческая рука и поставила на наружный подоконник стеклянную банку с крышкой. На крышке лежала бумажка, прижатая камнем. Через минуту внизу появилась женщина в длинной куртке. Она сняла канистру со своего плеча, осторожно подняла голову и коротко постучала пальцами по металлической трубе: два раза, пауза, ещё раз. Рука наверху исчезла. Из дверного проёма на женщину посмотрел ребёнок и тут же спрятался.

— Они воду разносят, — сказал Стас.

Лида прижала его к стене прежде, чем он успел повернуться к женщине. По переулку проехал мотороллер без глушителя. Водитель не смотрел по сторонам. На багажнике лежали обрезки труб, а на куртке у него был пришит светлый квадрат ткани. Он проскочил мимо канистр и исчез.

Женщина у подъезда стояла неподвижно ещё долго после того, как звук стих.

— Это не просто выжившие, — тихо сказал Стас. — У них всё устроено.

— Значит, им есть что защищать.

Они обошли дом сзади. Лида показала на водосточную трубу: вдоль неё шла свежая верёвка с деревянными узлами. Наверху к верёвке был привязан колокольчик, тщательно обмотанный тряпкой, чтобы не звенел на ветру. Простой сигнал, который можно было включить рукой и выключить за секунду.

Стас почувствовал себя гостем, вошедшим в чужую квартиру через разбитое окно. Чужие правила были вокруг, но никто не собирался ему их объяснять.

За аптекой они поменялись картриджем в третий раз. Стас прислонился спиной к холодной плитке. Лида стояла близко, чтобы он мог видеть её руки, когда она закрепляла крепление.

— Ты могла не идти, — сказал он.

— Могла.

— Почему пошла?

Она потянула ремешок его маски выше уха. Он ожидал ответа. Лида взглянула в проём, где мутнело жёлтое солнце.

— Потому что утром ты не спросил, нужен ли мне последний кусок хлеба. Просто оставил его рядом.

— Это не одно и то же.

— Я знаю.

У метро на плитке темнела свежая кровь. Её не смыло дождём, и в узких следах подошв поблёскивала влага. Рядом лежала кукла в жёлтом платье. Одна нога была перетянута верёвочкой. Стас поднял куклу за рукав, прежде чем Лида успела его остановить.

— Не трогай чужие вещи.

— Её кто-то потерял сегодня.

Лида посмотрела на дорожку крови. Она вела не к спуску, а от него, к боковой двери служебного помещения. Под дверью виднелся свет — не яркий, почти неразличимый в пыли. Стас положил куклу на край ступеньки, подальше от грязи. В этот момент за стеклом закрытой билетной кассы появилось лицо.

Женщина была старше Веры. На лбу у неё тянулся белый шрам. Рукава куртки закатаны. На запястьях — ничего, кроме полос от старых часов. Она смотрела не на лица подростков, а на их руки.

— Сколько вас? — спросила она из-за стекла.

Лида подняла ладонь, требуя от Стаса молчать.

— Ищем переход, — сказала она. — Нам нужна вода.

— Номера у всех есть?

— Есть.

Женщина на секунду прикрыла глаза.

— Тогда не стойте под открытой камерой. Вас видно с площади.

Стас поднял голову. Над турникетами висела маленькая чёрная коробка. Кабель тянулся вдоль потолка в служебную комнату.

— Камера работает? — спросил он.

— Говорю: уходите. Вы же сюда не за людьми пришли.

Стас услышал с другой стороны стекла тяжёлое дыхание и короткий всхлип. Там был кто-то ещё.

— У вас раненый? — спросил он. — У нас есть бинты.

Женщина скривилась. Её левая рука медленно сдвинулась вниз, к тому месту, где под прилавком лежал предмет. Лида потянула Стаса к колонне. Он задержался на половину шага, пытаясь увидеть ребёнка, но вместо него увидел в окошке ствол.

Выстрел ударил в бетон. Лида сбила Стаса с ног, и рамка рекламного плаката рассыпалась им на плечи. Он почувствовал запах пороха. Женщина выстрелила второй раз, не целясь точно: щепки полетели с двери у них за спиной. Из глубины кассы кто-то закричал: «Не надо!»

— Беги, — сказала Лида.

Они нырнули в служебный коридор. Стас ударился коленом о низкий порог, едва не выронил картридж из мешочка и услышал, как в кассе скребут засовом по ржавому железу. Женщина не могла выйти за ними сразу. Ей пришлось отпирать дверь, которую она сама забаррикадировала изнутри.

На подъёме браслет Стаса завибрировал. Поверх карты города появились строки:

«КОДЕКС. НЕ ДОВЕРЯЙТЕ ЛЮДЯМ БЕЗ НОМЕРА».

Лида остановилась на миг. На её экране светилось то же правило. Она взглянула назад — туда, откуда слышался детский голос.

— Слишком вовремя, — сказал Стас.

— Не сейчас.

Он понимал: правило могло прийти всем участникам одновременно. Но женщина заговорила о номерах ещё до появления строки. И камера висела прямо над ними.

В служебном коридоре они нашли старую схему эвакуации. За переходом была обозначена техническая лестница, а за ней — второй выход к складу гражданской обороны через двор жилого дома. Лида сняла схему со стены, разрезала её по сгибу и убрала в сумку. При этом ладонь задела край разбитой рамки. На коже появилась тонкая линия крови.

— Рука, — сказал Стас.

— Потом.

Они вышли через решётчатую дверь на поверхность. За спиной грохнула тяжёлая створка. В уличном стекле магазина отражались две фигуры в масках, и Стас вдруг понял, как выглядят со стороны: двое подростков, на которых светятся номера. В городе, где люди меняют воду в жестяной банке, эти номера могли означать не безопасность, а угрозу.

Перед возвращением в квартиру они переждали пыль на лестнице пустого почтового отделения. Там стоял деревянный стул, недавно вымытый от грязи. На стуле лежал кусок мыла, рядом — перевёрнутая чашка. Стас показал на них Лиде.

— Если здесь никого нет, почему всё не растащили?

— Потому что это чьё-то место.

— А что мы делаем?

Лида не сразу ответила.

— Пока ищем дорогу обратно.

На обратном пути они прошли мимо подъезда с канистрами. Старшая женщина уже забрала банку с подоконника. На стене появился новый знак: три мелкие черты, нанесённые белым мелом. Рядом лежала ещё одна кукла, на этот раз без платья. Стас не тронул её.

К вечеру они вернулись в квартиру. Яна лежала на диване, укрытая их куртками. У неё дрожали губы, хотя на улице было тепло. Мара измеряла ей температуру ладонью и говорила, что всё в порядке, слишком быстро, чтобы в это поверили. Тим кипятил воду в маленьком котелке.

— Достали? — спросил он, увидев сумку Лиды.

— Не дошли. Но есть обход, — ответила она и положила схему на стол.

Стас выложил разбухшую кассету. Тим повертел её в руках и хотел разрезать, чтобы посмотреть внутри. Лида забрала.

— Если в ней грязная вода, руками не трогай. У нас и так достаточно проблем.

В коридоре Мара поймала Стаса за локоть.

— Женщину в метро видели?

Он остановился.

— Откуда ты знаешь?

— Там люди бывают.

— Ты сказала, что впервые видишь схему.

— Я сказала, где её нашла.

Она отпустила его и пошла к Яне. Стас остался стоять у стены. Он вспомнил, как Мара проверила дополнительный замок ключом, который не искала. Пока она оставалась их спасительницей, это казалось удачей. Теперь удача складывалась из слишком многих мелочей.

Позднее Лида попросила помочь с порезом. Она промыла ладонь у раковины, вытерла чистым бинтом и села на перевёрнутый ящик. Стас наложил повязку неровно. Край торчал, как бумажный флажок.

— Не умеешь, — сказала Лида.

— Я выращивал зелень. Её не бинтуют.

— Надо было тебя в медицинский отправить.

— Меня никуда не спрашивали.

Она улыбнулась уголком рта и сама пригладила край повязки. В соседней комнате Тим спорил с Марой о дежурствах. Яна велела обоим замолчать, потому что от их голосов у неё болела голова. Обычный домашний спор, если не знать, где они находятся.

— У меня брат есть, — сказала Лида. — Иван. Ему девять.

Стас не поднял головы. Бинт внезапно стал самым важным предметом на свете.

— Ты мне не говорила.

— А ты не спрашивал.

— Он тоже Страж?

— Он пока ребёнок. Рисует всякую ерунду на обратной стороне учебных листов. Мечтает стать машинистом, хотя поездов в Куполе нет.

Лида посмотрела на ладонь и добавила:

— Когда он был маленьким, спал с куклой под кроватью. Говорил, что так бояться будет не он, а она. Сегодня у метро я вспомнила её.

Стас хотел спросить, в каком секторе живёт её семья. Не спросил: Лида сидела напротив, но на слове «семья» будто отодвинулась от него на несколько метров.

— У тебя кто? — спросила она.

— Мать. Отец остался снаружи, когда закрывали ворота. Я тогда не понимал, что это навсегда.

— Тебе сказали, что он погиб?

— Сказали, что отказался от эвакуации. Это разные слова, но на пропуске они выглядят одинаково.

Лида медленно согнула перевязанную ладонь. Стас заметил, как побелели костяшки её пальцев.

Вечером они сидели в тёмной квартире у окна. За стеной снова что-то царапало дверь. То ли заражённый, то ли ветка билась о раму. Внизу скрипели ступени; на третьем этаже кто-то коротко кашлянул. Лида не зажигала фонарь. Стас держал мешочек с фильтром на коленях, хотя теперь в комнате хватало воздуха.

— Ты сегодня могла не вернуться, — сказал он.

— Ты тоже.

— Из-за меня.

— Не только. Я сама пошла к кассе.

Она повернулась к нему. В сумерках её лицо выглядело моложе, чем днём. Стас видел, что она устала. Впервые Лида не пыталась это скрыть.

— Давай договоримся об одном, — сказала она. — Если один заразится, второй не ждёт.

Он долго смотрел на бинт на её ладони. Снаружи заскрежетала решётка, и они оба замерли.

— Что значит «не ждёт»?

— Не остаётся рядом до конца. Не пытается доказать, что всё ещё можно исправить. Уходит, пока может.

— А если это будешь ты?

— Значит, ты уйдёшь.

Он вспомнил Льва, которого держал за рукав до последней секунды. Вспомнил, как разжал пальцы. Не был уверен, что сумеет сделать это снова.

— Я не обещаю, что мне будет легко.

— Я этого и не прошу.

Тогда он протянул руку. Она взяла её крепко, пальцы у неё были холодные. Лида не отняла ладонь, даже когда шаги стихли и опасность, казалось, прошла.

— Договорились, — сказал Стас.

За окном кто-то снова поднял банку на верёвке. Стас увидел движение только потому, что смотрел в ту сторону. В другом доме незнакомые люди делились водой, лекарствами или хлебом. Никто не спрашивал у них номера.

Перед сном Лида вернула ему картридж — свой единственный исправный. Он хотел возразить, но она уже отошла к Яне.

Стас положил фильтр рядом с подушкой. В квартире пахло мокрой тканью и варёной фасолью. Впервые за два дня ему захотелось, чтобы утро наступило не только ради спасения.

6. Три места

На третий день у Яны поднялся жар. Она долго смотрела на потолок и не сразу поняла, кто перед ней, когда Стас принёс воду. Узнала его только по голосу.

— Я опять спала? — спросила она.

— Немного.

— Не ври, как Мара. Я слышала, как вы меняете повязку.

Стас поставил флягу на пол. За окном кто-то ударил по трубе дважды и ещё раз после паузы. Те же удары он слышал вчера, возле канистр. Не птицы и не ветер. Люди передавали друг другу сообщения по стенам домов, пока участники Инициации пытались понять, откуда берётся вода.

Мара вернулась из соседней квартиры с полотном от старых носилок. Она распорола его вдоль, проверила прочность и попросила Тима привязать к концам две деревянные жерди.

— Мы не сможем нести её целый день, — сказал он.

— До склада меньше километра.

— Меньше километра для тебя. Мне вчера едва удалось подняться по лестнице, когда двое несли её за руки.

Яна подняла голову.

— Можете обсуждать меня, пока я здесь. Я и без вашей помощи слышу.

Тим подошёл к ней, поправил подушку. Стас заметил, что он делает это осторожно и почти нежно. Накануне Тим сидел у Яны всю ночь, смачивая ей губы водой. Теперь он боялся, что этот страх выдаст его раньше любых слов.

— Я донесу, — сказал он. — Просто надо заранее решить, где останавливаться.

Лида развернула карту перехода. Там был показан путь к служебной лестнице, затем небольшой двор с разгрузочным входом. За двором находился подвал, отмеченный символом гражданской обороны. На схеме не было написано, работает ли там что-нибудь после восьми лет без городских служб.

— Пойдём дворами, — сказала она. — На площади нас заметили. Во второй раз женщину с оружием не удивишь.

Стас рассказал всем о выстрелах в метро. Тим посчитал, что лучше обойти всю площадь с другой стороны. Мара возразила: на открытой улице их увидят с крыши. Когда Стас упомянул взрослую женщину без браслета, Мара начала складывать карту раньше, чем он закончил.

— Ты её знаешь? — спросил Стас.

— Не знаю, как зовут.

— А видела?

— Я видела людей на площади. Этого достаточно, чтобы не ходить к ним в дом.

Он понял, что ответа больше не будет. Стас не доверял Маре полностью, но она спасла их дважды, и Яна чувствовала себя спокойнее, когда Мара сидела рядом. В городе пока приходилось выбирать между неполной правдой и чужими руками, которые действительно помогали.

Они вышли, когда тени на улице стали короткими. На носилки положили два одеяла. Яна сказала, что ей неудобно; никто не поверил. Тим встал впереди, Стас сзади. Мара несла сумки и время от времени подавала знак остановиться. Лида шла первой и проверяла двери.

На лестнице они встретили чужой след: тонкую полоску муки, насыпанную вдоль верхней ступеньки. Кто-то хотел знать, откроют ли дверь, пока его нет дома. Мара шагнула через полоску, не задев.

— Откуда знаешь? — спросил Стас.

— Мать так делала, когда в общежитии воровали сахар.

— У тебя была жизнь до Купола?

— У моей матери была. Я слушала.

Они спускались молча. На четвёртом этаже за дверью кто-то чихнул. Тим замер и едва не выпустил жердь. Потом изнутри послышался женский голос, спокойный, сердитый: «Тише. Я же просила». За дверью точно жили люди.

У первого двора они остановились у подъезда с жёлтыми занавесками. Над входом висела дощечка: «ВОДА — ТОЛЬКО ДО ПОЛУДНЯ». Надпись сделали недавно, углём по свежему дереву. Никто не вышел к подросткам, но Стас увидел за стеклом маленькую ладонь. Ребёнок приложил к окну бумажную фигурку птицы. Потом женщина отвела его в сторону.

— Они нас боятся, — сказал Стас.

Лида взглянула на свой браслет.

— Они не знают, почему мы здесь.

— А мы знаем?

На её лице ничего не изменилось.

Перед разгрузочным двором они увидели пса. Он лежал у мусорных баков и смотрел на людей широко раскрытыми глазами. Одна лапа была привязана к куску доски. Рядом стояла миска с водой. Стас остановился, но Лида отрицательно покачала головой: на поводке могла быть сигнализация. Пёс не зарычал. Он проводил носилки взглядом и остался лежать. Кто-то в этом городе лечил даже животных, хотя еды не хватало людям.

Склад они нашли под бетонной лестницей, за ржавой дверью с рисунком человека, закрывающего голову руками. От руки человека сохранилась одна жёлтая краска. Вокруг рисунка кто-то нацарапал маленькие отметки — короткие вертикальные линии. Стас насчитал девять.

— Здесь тоже кто-то был, — сказал он.

— А где не был? — ответила Яна.

Замок держался на старом пружинном механизме. Стас узнал устройство: таким же запирали секцию с семенами в фермерском секторе. Лида подсветила щель фонарём, только убедившись, что снаружи ещё светло. Стас вставил в замочную планку металлическую линейку, вынутую из забытого на лестнице школьного пенала, и сумел сдвинуть язычок. Дверь поддалась.

Внутри было темнее, чем в жилом доме. Пахло сырой штукатуркой и чем-то химическим. За первой дверью шёл короткий коридор, за второй — большой зал со стеллажами. В углу слабо горела лампа аварийного освещения.

— Видите? — сказал Тим. — Здесь есть электричество.

Он нашёл щиток. На нём за стеклом горел красный индикатор: «РЕЗЕРВ». Рядом висела инструкция, половину строк которой съела плесень. Кабель уходил под пол, к аккумуляторному отсеку. Из глубины помещения доносилось ровное гудение.

Стас провёл пальцами по трубке с охлаждающей жидкостью. Она была холодной. Из-за металлической перегородки тянулся слабый поток воздуха. Холодильник работал, но на лампах питание экономили.

— Можно включить основной генератор, — сказал Тим, показывая на дверь за стеллажами.

— Нельзя просто так, — ответил Стас. — Если звук пойдёт в вентиляцию, нас услышат с улицы. Сначала посмотрим, что питается от аккумулятора.

Они распределили работу. Мара осталась с Яной. Тим проверял дверь на площадку. Лида открывала закрытые медицинские ящики. Стас нашёл схему электросети и с трудом разобрал выцветшие обозначения. Ничего общего с теплицами, кроме труб, выключателей и человеческой привычки оставлять на каждом устройстве написанное от руки предупреждение.

В шкафу стоял белый медицинский футляр. На крышке большими буквами написали «ВАКЦИНА». Ниже мелко: «ПРОФИЛАКТИКА. ДО КОНТАКТА. ХРАНИТЬ В ХОЛОДЕ».

Внутри находились две запаянные дозы. Дату выпуска стерли до белого пятна, а рядом остался старый термоиндикатор. Он был зелёным. Лида долго изучала упаковку и не улыбнулась.

— Это поможет? — спросила Мара.

— Не знаю, сохранилось ли действие. И даже если сохранилось, это не лекарство от обычной инфекции в ране.

— Но ведь это вакцина от вируса?

— Так написано. По надписи нельзя понять, насколько она работает и кому её можно вводить. Яне нужен врач, обработка раны и, возможно, антибиотик. Мы не будем колоть неизвестный препарат только потому, что он здесь есть.

Мара опустила глаза. Яна смотрела на футляр, почти не моргая.

— Значит, я доживу до ворот, если мне повезёт, — сказала она.

— Ты доживёшь, если мы найдём помощь раньше, — ответила Лида.

— В городе, где по улицам ходят мёртвые?

— Здесь есть живые. Ты сама видела.

Яна отвернулась. Стас заметил, как после этих слов Мара выпрямилась. Она словно вспомнила какое-то место, но ничего не сказала.

За холодильником обнаружился кран с технической водой. Над ним висела табличка: «НЕ ПИТЬ БЕЗ ОБРАБОТКИ». Тим потянул ручку, из трубы вышла коричневая струйка, затем чистая на вид вода. Они набрали её в жестяной таз для мытья пола. Лида настояла, чтобы питьё оставили из запечатанных бутылок, найденных в отдельном шкафу. Таких было всего шесть.

В подсобке лежали фильтры к старым респираторам, запаянные в пластиковые упаковки. У большинства потрескались резиновые прокладки, но два подходили к их маскам. Стас примерил один, сделал вдох и впервые за два дня не почувствовал сопротивления мокрой кассеты. Лида позволила себе коротко улыбнуться.

— Теперь у каждого свой, — сказала она.

— Ты говоришь так, будто мы делили одно одеяло.

— Фильтр важнее одеяла.

— Согласен. Но если будет холодно, я всё равно попрошу одеяло.

Она посмотрела на него дольше обычного и вернулась к упаковкам.

Стас всё-таки включил генератор — не на полную мощность, а на короткий проверочный запуск. Тяжёлый мотор отозвался с третьей попытки. Свет зажёгся в коридоре, заработала вытяжка. Вместе с воздухом по вентиляции пошёл низкий гул. Тим прислушался.

— Вроде тихо.

С улицы, далеко за дверью, раздался металлический стук. Потом ещё два. Лида схватила рацию и поднесла к уху. По динамику прошёл сухой шорох. Стас заглушил мотор.

— Что случилось? — спросила Яна.

— Проверили, что он работает, — сказал Стас. — И что пока лучше не включать.

Он вернулся к аккумуляторному щиту. Холодильник продолжал гудеть. Спасало не чудо техники, а кто-то, кто много лет следил за батареями и менял расходники. Следы работы виднелись повсюду: свежая изолента на кабеле, чистая тряпка у мотора, отпечаток грязной ладони на внутренней дверце. Стасу не нравилось находиться там, куда хозяин мог вернуться в любую минуту.

В наружном коридоре Мара нашла чужую запись на стене. Мелом были выведены числа, перечёркнутые по двое. Внизу — маленькая стрелка к двери с ручной задвижкой. Под стрелкой кто-то написал: «ЗА СЕБЯ ЗАКРЫВАЙ».

— Значит, сюда ходят, — сказал Тим.

— Нам лучше не оставлять следов, — отозвалась Мара.

Но следы они уже оставили: носилки, разорванный бинт, открытый шкаф и запах нагретого двигателя. Стас перенёс Яну за две внутренние двери и проверил засов на основном входе. Если закрыть его изнутри, снаружи дверь можно открыть только ключом. Это давало время, но не безопасность.

В тот момент, когда он собирался спросить Мару о меловой записи, браслет коротко завибрировал.

«КОДЕКС. НЕ СНИМАЙТЕ БРАСЛЕТ».

Он показал экран Лиде. Она не ответила. Проверила собственную застёжку, будто уверялась, что браслет на месте. Потом у всех одновременно раздался второй сигнал.

«ВЫХОД ОТКРОЕТСЯ НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ДЛЯ ТРЁХ ЧЕЛОВЕК».

Сначала никто не заговорил. Тишина была такой плотной, что Стас расслышал, как внутри холодильника щёлкнуло реле. Потом Тим сказал:

— Что значит «для трёх»?

— Нас пятеро, — ответила Яна.

— Я умею считать.

— Тогда не спрашивай.

Мара приложила палец к экрану и пыталась раскрыть сообщение, словно под ним обязательно должно быть пояснение. Стас сделал то же. Появилась схема района. Пункт выхода располагался за трамвайным депо. Время открытия — полдень седьмого дня. Время закрытия — через две минуты. Между ними мигала точка с подписью «МЕТКА».

— Может, три человека за одну проверку, — сказала Мара.

— Может, — ответила Лида. — Там не написано, что потом откроется ещё раз.

— Значит, стоит проверить, — сказал Стас.

Тим рассмеялся. Один короткий звук, неприятный даже ему самому.

— Проверить у кого? У этих, которые не отвечают по радио? У женщины с ружьём?

— У тех, кто живёт рядом со складом.

— Ты теперь собираешься доверять людям без номера? Ты читал Кодекс?

Стас не ответил. Он слышал во вчерашней кассе детский крик. Это не отменяло выстрелов. Но и выстрелы не делали женщину чудовищем, которое можно не считать человеком.

Тим взял футляр с вакциной, поставил на стол и повернул его так, чтобы все видели две дозы.

— Вот вам и всё. Две дозы, три места. Нам что, специально оставляют меньше, чем нужно?

— Вакцина здесь лежала до нашего приезда, — сказала Лида. — Может, задолго до Инициации.

— Тогда почему сообщение пришло, когда мы её нашли?

Никто не ответил. Стас отметил про себя совпадение и не стал превращать его в доказательство. Система могла следить за их браслетами. Могла отправить сообщение всем отрядам в одно время. Он не знал. Вчера перед глазами появилось правило о людях без номера именно в тот момент, когда они встретили такую женщину. Два совпадения подряд уже требовали осторожности.

Яна села на носилках. Лицо у неё было серым. Она попыталась поставить здоровую ногу на пол, но Мара удержала её за плечо.

— Я могу идти, — сказала Яна.

— Пока нет, — ответила Лида.

— Через четыре дня смогу?

Лида не соврала.

— Не знаю.

Тим отошёл к двери. Он стоял, упершись лбом в холодный металл. Когда повернулся, говорил удивительно ровно:

— Мы можем оставить Яне воду и еду. Здесь хорошая дверь. Кто-то следит за холодильником, значит, люди приходят. Они помогут ей. А мы пройдём к воротам.

— Ты предлагаешь бросить её? — спросила Мара.

— Предлагаю вариант, при котором хоть кто-то выберется.

— Ты вчера её держал, пока я чистила рану.

— Я знаю, что делал вчера.

Тим резко повернулся к Яне. Он говорил ей, а не остальным:

— Если я останусь, мы оба умрём. Если уйду, смогу найти помощь.

— Тебе не нужно выдумывать, зачем ты уйдёшь, — сказала Яна. — Ты хочешь жить. Я тоже.

Тим открыл рот, закрыл и сел на пол у стены. Его руки дрожали. Стас заметил, что у парня на колене засохла тёмная полоса: кровь Яны, которой он вымазался, когда та упала у ограды. Тим так и не отстирал штаны.

— В Куполе такие вопросы решают до нас, — сказал Стас. — Здесь хотят, чтобы решили сами и потом думали, будто это был наш выбор.

— Ну и что? — спросила Мара. — От этого появляется четвёртое место?

— Нет.

— Тогда давайте говорить о том, что мы можем сделать.

Лида вынула из рюкзака карту. На краю схемы депо был обозначен старый санитарный пункт. Там мог находиться врач или хотя бы медицинская связь. До него следовало идти через жилые кварталы. Она показала короткий обход для тех, кто несёт носилки, и более прямой путь для двоих без груза.

— Я схожу к пункту утром, — сказала она.

— Одна? — спросил Стас.

— Лучше вдвоём. Ты умеешь разбираться с замками и вентиляцией.

Стас почувствовал облегчение, которое тут же стало стыдным. Лида выбрала его — не ради места, а ради дела. И всё же в комнате было пятеро, а завтра они опять уходили вдвоём.

— А если дверь откроется только троим? — спросил Тим.

— До открытия ворот у нас ещё есть время подумать, — ответила Мара.

— Уже третий, — сказала Яна.

Лида провела ногтем по краю карты.

— Я не обещаю, что смогу нести Яну, если придётся бежать. Но и оставлять её здесь сейчас не собираюсь.

Этого было меньше, чем хотела услышать Мара. Стас понял по тому, как она поставила перед Яной флягу, хотя та не просила воды. Зато это была правда. Пытаться обещать спасение всем после слова «три» означало бы ещё раз солгать.

Позже, когда Тим уснул, Стас предложил дежурить первым. Мара спорить не стала. Она молча проверила засов и показала на узкую щель в потолке, через которую был виден наружный коридор. Там стояла миска с водой и рядом — пустая миска из-под еды. Кто-то явно кормил существо или животное. Стас не стал спрашивать, кого именно.

Он сел у входа с металлической кружкой и листом бумаги, на котором выписал всё, что знал о складе. Резервный аккумулятор. Чужой уход за техникой. Проход к площади. Три входа. Люди, которых не показывали в учебных фильмах Купола. Рядом написал «врач?» и «рация». В теплицах он привык решать задачи по порядку: сначала вода, потом свет, потом урожай. Здесь порядок каждый раз ломался, когда кто-нибудь говорил о жизни другого человека.

В полночь послышался скрип наружной двери. Стас поднялся. Мара уже стояла рядом. Откуда она пришла, он не заметил.

Скрип повторился. Потом в стену тихо стукнули три раза. Два удара подряд и один после паузы.

— Это те, кто живёт в доме? — прошептал Стас.

— Возможно.

— Ты говорила, что их не знаешь.

— Я сказала, что не знаю женщину по имени.

Мара опустилась на корточки и провела пальцем по грязному полу. Под дверью лежала тонкая полоска бумаги. Кто-то просунул её по щели. На бумаге не было ни адреса, ни подписи. Только три слова: «НЕ ЗАВОДИТЕ МОТОР».

Стас поднял записку. Снаружи уже не было слышно шагов.

— Они нас слышали, — сказал он.

— Ещё как.

— Почему не вошли?

Мара осторожно забрала бумагу. Скомкала, но не выбросила.

— Потому что пока мы не сделали ничего хуже.

Она вернулась к Яне. Стас остался у двери и прислушался к звуку аккумуляторов. Теперь он был уверен: склад не принадлежал мёртвому городу. Он принадлежал живым. И они могли вернуться за своим.

Под утро Лида пришла сменить его. На руке у неё была новая повязка, аккуратнее вчерашней. Она поставила перед ним кружку тёплой воды. Стас взялся за неё двумя руками, хотя давно привык к холодному питью.

— Не спал? — спросила Лида.

— Мало.

Она села рядом. За стеной спали люди. Холодильник выключился на несколько секунд, потом заработал снова. Через потолочную щель тянулся серый свет.

— У Яны жар не падает, — сказал Стас.

— Когда дойдём до санитарного пункта, нам нужен врач. Если он там вообще есть.

— Сначала найдём дверь.

— Ты вернёшься за ней?

Она посмотрела на кружку в его руках.

— Я постараюсь.

Он хотел спросить, почему Лида не произнесла простое «да». Вместо этого рассказал про записку и стук. Лида молча выслушала. Потом достала из кармана чистую прокладку к маске и показала, как закрепить её, чтобы не натирало ухо.

— Ты снова чинить меня пришла? — спросил Стас.

— Пока получается.

Он усмехнулся. Вчера она научила его менять фильтр; сегодня — расправлять ремешок. Стасу захотелось сделать для неё что-нибудь, не связанное со страхом и ранами.

— Когда вернёмся, покажешь мне, как выглядят ваши казармы? — спросил он.

— У Стражей не казармы. Дома тоже есть.

— Тогда покажешь дом.

Она некоторое время смотрела прямо перед собой. Потом сказала:

— Если всё закончится, познакомлю тебя с Иваном. Он сначала будет молчать. А потом задаст сто вопросов.

— Справлюсь. У меня в теплицах один мальчишка спрашивал, почему редиска красная, если растёт в чёрной земле.

— И что ты ответил?

— Что она старается выделиться.

Лида засмеялась неожиданно громко, прикрыв рот здоровой ладонью. На секунду её смех заполнил маленький склад так, будто место снова стало обычным подвалом с обычными людьми. Потом она погасила улыбку: Яна повернулась во сне и застонала.

Стас протянул руку. Лида не отстранилась. Он коснулся её лица, очень осторожно, словно спрашивал разрешения. Она наклонилась ближе и поцеловала его сама. Поцелуй был коротким, неловким, прерванным стуком трубы за стеной. Оба испуганно отстранились. Потом Стас понял, что это только вода пошла по старой системе отопления.

— Ты всё время ждёшь опасности, — сказал он.

— Здесь это полезно.

Лида положила голову ему на плечо. Стас не двигался. Она закрыла глаза, а он смотрел на тусклый индикатор над дверью. Впервые после Теста ему представилось, что слово «после» действительно может что-то значить.

Утром им предстояло идти к санитарному пункту за путями депо. До полудня седьмого дня оставалось чуть больше трёх суток. На его браслете мигала цифра три. Рядом с ней медленно уменьшался счётчик времени.

7. Чужой приказ

В четвёртый день Стас проснулся раньше сигнала. Кто-то снаружи медленно тащил по асфальту железный лист. Скрежет дошёл до подвала через вентиляционную шахту и остановился у самой стены.

Стас лежал на тонком матрасе между ящиками с консервами. В темноте над дверью светилась зелёная точка аварийного питания. Рядом спала Лида, свернув куртку под голову. Ночью она положила ладонь ему на грудь, а потом отдёрнула, будто проснулась от собственной смелости. Теперь её рука лежала на полу, раскрытая, с потемневшим следом от ремня перчатки.

Он хотел накрыть её пальцы своими. Вместо этого встал и пошёл проверить дверь.

Мара сидела рядом с Яной. Повязка на ноге девочки насквозь потемнела у края. Жар немного спал, но кожа вокруг ранки была горячей. У Яны хватило сил только на то, чтобы отвернуться, когда Мара приподняла бинт.

— Нужна чистая перевязка. И врач, — сказала Мара, не поднимая глаз.

— Ты видела врача здесь?

— Нет. Поэтому сначала пойдём в санитарный пункт. На схеме депо он обозначен крестом.

Тим возился у стола с картой. Он не присоединился к разговору. После сообщения о трёх местах он почти перестал смотреть на Яну. Сейчас он проводил ногтем по маршруту через трамвайные пути, будто мог стереть на бумаге опасные перекрёстки.

— Я схожу, — сказал Стас.

Лида поднялась с матраса. Он не слышал, как она проснулась.

— Вдвоём, — сказала она. — К воротам депо с одной стороны не подойти. Нужен обход.

— Ты там была?

— Нас учили читать план технических объектов.

Она ответила ровно, но не взглянула на него. Накануне ночью она смеялась над редиской в его теплице. Теперь застегнула куртку до горла и снова стала похожа на тех Стражей, которые молча сопровождали подростков на Тест.

Мара отмерила им по полфляги воды. Попросила не открывать фильтры на улице. Потом поочерёдно взяла их за запястья и проверила номера. У Стаса светилось «06». У Лиды — «11».

— После заката не ходите, — сказала она. — И не вздумайте снова запускать генератор. Сегодня ночью кто-то проверял двери вокруг нас.

— Кто?

Мара показала на вентиляционную решётку.

— Если бы знала, сказала бы сразу.

Скрежет повторился. На этот раз далеко. Яна проснулась и спросила, не начался ли дождь. Никто ей не ответил.

На улице пахло сырой известью. Утренний туман стоял низко, под колёсами автомобилей. Стас натянул маску, проверил уплотнение и пошёл за Лидой через двор с обвалившейся детской площадкой. Двое заражённых брели вдоль забора. Один волочил длинный ремень — конец пристал к его ботинку. Второй всё время задирал голову, словно слушал голоса в окнах.

Лида остановила Стаса у подъезда. На двери белела свежая надпись мелом: «ВОДА — ТОЛЬКО ПОСЛЕ ВОСХОДА». Снизу кто-то добавил: «НЕ СТУЧАТЬ».

— Они живут здесь, — сказал он.

— Здесь живут и те, кто поставит тебя на колени за флягу.

— Ты всех уже проверила?

Лида взглянула на него. Под маской её лица почти не было видно; только глаза и полоска кожи над переносицей.

— Нет. Поэтому я не собираюсь звонить в каждую дверь.

За закрытым окном третьего этажа что-то стукнуло. Через секунду створка приоткрылась, и вниз опустили пустую жестяную банку на верёвке. Банка повисла, покачалась и замерла. Стас вспомнил утро в квартире, где за такую же банку отдавали воду. Здесь верёвку держала чья-то рука в детской варежке.

Он полез в боковой карман рюкзака.

— Не надо, — сказала Лида.

— У меня половина сухаря.

— На нашем маршруте через час будет пусто. И ты будешь думать о нём, а не о том, кто открыл окно.

Стас всё же положил сухарь в банку. Верёвка натянулась, банка пошла вверх. В окне появилась узкая ладонь, забрала её и исчезла. Ни слова благодарности.

Они прошли ещё два двора. Лида шла быстро, но у каждого перекрёстка задерживалась. Открывала на браслете не карту, а короткое сообщение под тёмным значком. Стас видел только угловатые строки, потому что она поворачивала руку к стене.

— Что там?

— Указания Стражей.

— Нам всем приходят правила.

— Это не Кодекс.

Он хотел спросить ещё, но впереди заскрипели тормоза. Из боковой улицы медленно выехал пустой автобус. Двигатель был заглушён: машину тянули тросом из-за угла, колёса катились рывками. За автобусом шёл человек в брезентовом плаще и сигналил другим поднятой рукой.

Стас и Лида прижались к стене магазина. Из окон автобуса торчали дощечки, прибитые к раме. Внутри никто не сидел. На заднем стекле большими буквами написали: «НЕ СВЕТИТЬ».

Второй человек вытащил из-под кузова железный крюк. Первый махнул в сторону прохода между домами. Они не заметили подростков. Через минуту где-то за кварталом зазвенел металл, и сразу несколько заражённых повернули головы в одну сторону.

— Они собирают их, — прошептал Стас.

— Отводят от своих домов. Или к чужим.

Лида потянула его за рукав. Стас пошёл, но оглянулся. Под автобусом остался след от волочившегося троса. В этот след уже ступал заражённый в промокшем пиджаке.

На остановке у депо они нашли схему трамвайных маршрутов. За матовым пластиком сохранились названия улиц, остановки и зелёный крест санитарной службы. Пункт был за путями, возле светлой диспетчерской.

— Если там ничего нет, вернёмся, — сказал Стас.

— Если там ничего нет, нужно будет искать дальше.

— Яна не выдержит целый день без перевязки.

Лида молчала, пока он складывал схему в памяти. Потом неожиданно спросила:

— Ты правда собирался познакомиться с Иваном?

— С твоим братом?

Она кивнула.

— Конечно. Я умею чинить насосы и отвечать на глупые вопросы про редиску. Ему понравлюсь.

— Он не задаёт глупых вопросов.

— Ладно. Буду отвечать на умные.

Лида сняла перчатку и коснулась его запястья там, где кончался браслет. Пальцы у неё были холодные.

— Ты не знаешь, какой он.

— Ты мне расскажешь.

Она отдёрнула руку раньше, чем он успел повернуть ладонь.

Вдоль путей лежали пересохшие ветки. По ту сторону рельсов стояли дома с синими эмалевыми табличками. У одного подъезда ещё висел график уборки. Фамилию дежурного кто-то зачеркнул зелёным карандашом. Ниже появилась новая дата, написанная гораздо свежее старых. Кто-то всё ещё следил здесь за лестницей, даже когда весь город называли мёртвым.

За домами ударил колокол. Один раз. Лида резко пригнулась. Стас сделал то же самое, хотя не понимал причины.

На крыше апельсинового киоска лежала фигура. Сначала она казалась просто одеждой, оставленной на железе. Потом повернула голову. Следом поднялась на руки и ноги, будто пробовала, выдержит ли её собственный вес. Существо было не выше взрослого мужчины, но руки у него свисали необычно низко. По соседней крыше прошла вторая тень.

— Не беги, — прошептала Лида.

Они стояли за столбом, пока фигура слушала остаток звона. Затем Лида показала на будку сторожа у входа в депо. Между будкой и стеной дома оставался проход шириной в человека. Если не задеть железную сетку, можно было проскользнуть к служебной двери.

— Ты уверена? — спросил Стас.

— Смотри под ноги. Там стекло.

Она сказала это слишком быстро. Он посмотрел на неё.

— Ты уже здесь проходила?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь про стекло?

Лида не ответила. Из-за киоска донёсся глухой стук. У существа на крыше вытянулась шея.

Они двинулись. Стас старался ставить ноги на сухие куски асфальта. Он видел, как Лида проверяет взглядом окна диспетчерской. За грязным стеклом стоял шкаф с небольшим светящимся экраном. Значит, питание здесь не отключили.

В будке сторожа пахло пылью и чьей-то едой. На подоконнике сохранилась тёплая половина картофелины в кожуре. Совсем недавно кто-то сидел здесь и ел. Стас потянулся к ней, но Лида остановила его.

— Это чужое.

— Вчера ты говорила, что здесь нас ограбят за флягу.

— И это чужое.

Снаружи шаркнули когти. Они замерли. По жестяной крыше киоска кто-то скользнул вниз. Потом снова наступила тишина.

Лида подошла к двери будки, посмотрела на двор за ней. Там была решётка и узкий проход к диспетчерской. На створке висел электрический замок, похожий на те, которыми закрывали служебные коридоры в Куполе.

— Запри за нами, — сказала она.

Он сдвинул щеколду, и дверь заскрипела. Лида вздрогнула. Впервые с утра Стас увидел на её лице настоящий испуг.

— У тебя всё хорошо?

Она закрыла глаза на секунду.

— Нет.

Он подумал, что она боится заражённых. Ему тоже было страшно. Он хотел сказать что-нибудь смешное, про дежурного, который даже после конца света оставил список уборки. Но увидел, как она прижимает к животу левую руку. Браслет Стражей мерцал и гас.

— Лида.

Она посмотрела на него так, словно он оказался здесь не вовремя.

— Я должна была сказать раньше.

Стас не сразу понял, что речь не о маршруте.

За стеной, снаружи будки, что-то стукнуло по металлическому карнизу. Потом ещё раз. Он понизил голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.